

Научная статья
УДК 342.72/.73
doi: 10.17223/22253513/55/7

Реализация права на жизнь как основа обеспечения главного стратегического национального приоритета Российской Федерации

Олег Николаевич Мигущенко¹

¹ Курский государственный университет, Курск, Россия, onmig@mail.ru

Аннотация. Доказывается, что реализация стратегического национального приоритета «сбережение народа России» требует переосмысления права на жизнь, так как его действующая редакция не соответствует потребностям личности, общества и современного российского государства. Предлагается право на жизнь рассматривать не как право на сохранение жизни, а как право на сбережение жизни, т.е. как совокупность обязанностей государства и по сохранению жизни, и по фактическому обеспечению социально-экономических и иных прав человека.

Ключевые слова: права человека, право на жизнь, право на достойную жизнь, функции государства, национальная безопасность

Для цитирования: Мигущенко О.Н. Реализация права на жизнь как основа обеспечения главного стратегического национального приоритета Российской Федерации // Вестник Томского государственного университета. Право. 2025. № 55. С. 78–88. doi: 10.17223/22253513/55/7

Original article
doi: 10.17223/22253513/55/7

Realization of the right to life as the basis for the Russian Federation main national strategic priority

Oleg N. Migushchenko¹

¹ Kursk State University, Kursk, Russian Federation, onmig@mail.ru

Abstract. The new National Security Strategy of the Russian Federation defines the conservation of the people and the development of human potential as the main strategic national priority and also lists the goals and objectives to be reached on the way to achieving these aims. It basically means realization of the right to life and the right to the decent life. However, due to some specifics of the current version of the right to life creation of an effective mechanism for transferring constitutional law into specific benefits listed in paragraphs 28-33 of the abovementioned Strategy is not possible. The solution to this problem involves considering the right to life and the right to a decent life as a one single right.

According to dialectical materialism, a person is simultaneously considered as a biological and social being, and therefore the right to life cannot be characterized by

the biological side only, i.e. the right to life preservation. In this sense, the right to life represents the "sum" of all other rights, socio-economic rights above all.

Today, the understanding of content of legal relations between a person and the state, is based most often on an idealistic methodology, which is characterized by considering the studied phenomena, that have economic and legal characteristics, without taking into account all their internal connections and influences. This leads to the fact that the right to life and the right to a decent life are not considered as a one single human right. From this point of view, the right to life is reduced to the right of a person who has committed an particularly grave crime to avoid the death penalty with the granting of him the right to have his case heard in a trial by jury. Given the social antagonism that is still kept in society, it is impossible to deny the importance of such a right to life, but today is not enough.

The currently prevailing concept of "the right to life" enshrined in the current legislation limits the duties and responsibility of the public authorities for maintaining the living standards of the population and, accordingly, for the development of socio-economic relations. This version of the standard creates the illusion of the state fulfilling its obligations on public relations. However, the slowdown in economic development and the real standard of living of the population given the growth of unemployment creates a discrepancy between the prevailing understanding of the right to life and the expectations of the vast majority of citizens. Therefore, in a democratic and social state, there is a need for a relevant understanding of the right to life, which is guaranteed by the cohesion of all obligations of the state to ensure that the citizens have the opportunity to use their socio-economic and other rights in accordance with their legitimate interests. Implementing this modern right to life will require the creation of a socially oriented and efficient economy, which will be a stable basis for ensuring Russia's main strategic national priority. Civil peace and harmony in the country will be strengthened, which will provide the political and social foundations of the country's national security.

Keywords: human rights, right to life, right to decent life, functions of the state, national security

For citation: Migushchenko, O.N. (2025) Realization of the right to life as the basis for the Russian Federation main national strategic priority. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law*. 54. pp. 78–88. (In Russian). doi: 10.17223/22253513/54/7

Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, утверждённая Указом Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 (далее Стратегия 2021 г.), внесла кардинальные изменения в представление о приоритетах национальной безопасности Российской Федерации. Предыдущая Стратегия, утверждённая Указом Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683 (далее Стратегия 2015 г.), в качестве основного стратегического национального приоритета называла «укрепление обороны страны...», и к моменту утверждения Стратегии 2021 г. эта задача в основном была решена. Однако сегодня условия изменились. Теперь для обеспечения безопасности страны требуется *активизация всего общества*, что без учёта «человеческого фактора» является труднодостижимой задачей. Общеизвестно, что духовный и нравственный мир граждан может как обеспечивать, так и ограничивать государственный суверенитет. Поэтому если исходить из того, что сознание (правосознание) человека формируется не в безвоздушном пространстве, а в конкретно-исторической среде, то следует признать её решающее влияние

на весь процесс формирования сознания (правосознания). Такая среда создаётся под воздействием многих факторов. Решающим из них является эффективное осуществление социальной функции государства. Из этого следует закономерный вывод, что важнейшим направлением укрепления национального суверенитета является «сбережение народа России и развитие человеческого потенциала». Эта идея не является для России новой, она высказывалась ещё М.В. Ломоносовым, в наше время она вновь стала актуальной.

За прошедшие десятилетия было много сделано на пути развития России. Но надо понимать, что результаты были достигнуты со значительными усилиями, потребовавшими перераспределения средств из социальной сферы в сферу укрепления обороноспособности страны и обеспечения незыблемости её конституционного строя. Это актуализировало проблему поддержания гражданского мира и согласия в стране. Поэтому основной задачей нового этапа является *активизация социально-экономической политики государства*, направленной на рост качества жизни и свободного развития человека, о чём фактически говорится в пп. 29–33 Стратегии 2021 г. Однако не всё так очевидно. Проблема заключается в отсутствии перечня легально закреплённых показателей качества жизни и благосостояния граждан. Исходя из этого, при реализации задач Стратегии 2021 г. следует учитывать два аспекта. Первый заключается в определении показателей повышения качества жизни и благосостояния граждан, а также определении базовых понятий, второй связан с разработкой механизма повышения уровня материального благосостояния граждан.

Решение первого аспекта проблемы не вызовет больших сложностей, если исходить из того, что право на жизнь представляет собой систему всех иных прав. Из этого следует логический вывод, что реализация социально-экономических и иных прав в гармоничном соотношении интересов личности, общества и государства и есть показатель уровня достойной жизни и её качества, социального качества жизни [1. С. 13]. Однако нельзя не учитывать «избыточный плюрализм» в вопросах отношения к правовым явлениям. С этой точки зрения, например, реализация права на труд может рассматриваться с двух различных позиций: с формальной, которая будет делать акцент на возможности использовать «право на свободу от труда» и право на защиту от безработицы и т.д., и иной точки зрения, которая будет делать акцент на возможности использовать право на «получение гарантированной работы в условиях свободы от эксплуатации» и т.д. Каждая из этих двух позиций имеет своих сторонников и противников. Оценка же этих позиций будет определяться мировоззренческими пристрастиями оценивающего, следованию соответствующему типу правопонимания [2. С. 219]. Различие подходов наглядно проявляет себя в форме дискуссий о месте и роли социально-экономических прав в реализации всех иных прав человека. При этом следует учитывать, что попытки поиска объективной оценки в интегративном подходе удачными не будут [3. С. 5–15].

Однако второй аспект проблемы – определение направлений повышения качества жизни и благосостояния граждан – представляется как непростой.

Прежде всего, в силу отсутствия у современного научного сообщества единого мнения в определении понятий «уровень жизни» и «качество жизни», а также инструментария для оценки качества жизни [4. С. 93]. Затруднение вызывает и отсутствие в юридической литературе единого понимания механизма перевода конституционных прав в конкретные блага. Часто используется приём, согласно которому такой механизм сводится к «созданию условий» для осуществления прав и свобод. Тогда право выступает не как фактическая возможность получения от обязанной стороны какого-либо блага, а как средство для создания условий, при которых возникает формальная возможность притязания субъекта на какое-либо благо, что далеко не всегда гарантирует реальное приобретение этого блага [5. С. 82–83]. Если это так, то тогда надо говорить о реализации субъективных прав только в контексте реальной возможности для обладателя этих прав удовлетворять свои потребности в соответствии с законными интересами. Когда же право декларативно и не обеспечивает реальную возможность пользоваться определённым социальным благом, не обеспечивает рост материального уровня благосостояния граждан, тогда ослабляется его регулирующее воздействие на общественные отношения, формируются нежелательные виды правового поведения, развиваются прочие негативные явления. Также прямо нарушается ст. 8 Декларации социального прогресса и развития ООН от 11 декабря 1969 г.

Однако в условиях чрезвычайных ситуаций, угрожающих жизни и здоровью граждан, их права не могут использоваться ими в полной мере. Но из этого нельзя делать вывод о замене права на повышение уровня материального благосостояния граждан правом на сохранение жизни. Будучи динамичной, система прав человека эволюционирует под воздействием изменений среды. С учётом форс-мажорных обстоятельств у государства появляется право на «перенос» усилий из социальной сферы в сферу военно-экономическую и геополитическую, но опять-таки без человеческого фактора решить задачи обеспечения национальной безопасности невозможно. Поэтому логика требует сохранения и максимально возможного даже в этих условиях исполнения обязанности государства по обеспечению достойной жизни человека. Эта обязанность помимо решения традиционных задач заключается в доведении до граждан чётких и конкретных ответов на вопросы: когда, что и как будет сделано государством для восстановления полноценной социальной функции после устранения угроз личности, обществу и государству. Таким образом, право на жизнь в силу своего особого характера определяет направления реализации как всех иных прав, так и осуществление социальной функции государства, поэтому чем быстрее мы станем соотносить это право с реальными потребностями граждан, тем быстрее достигнем результатов, запланированных Стратегией 2021 г.

Вместе с тем в современном мире и современной России позиция, основанная на идеологии буржуазного либерализма, является господствующей [6. С. 7]. Именно это и объясняет аналогичность международных актов и конституций многих государств по вопросу о содержании права на жизнь.

Для этой позиции характерны, как правило, значимые явления общественной жизни рассматривать не в системной взаимосвязи всех своих составляющих характеристик, а изолированно. В отношении прав человека это проявляется фактически в «противопоставлении» политических и гражданских прав правам социально-экономическим. Это закономерное явление, и связано оно с конкретными политическими взглядами, которые находят отражение в действующем праве. Попытка же не замечать этого приводит к дальнейшему противоречию формальной и фактической стороны реализации субъективных прав. Запускается процесс деформации правосознания. Вырабатывается иллюзорное восприятие объективного права. Такое право говорит: «ты можешь», однако попытки реализовать это право далеко не всегда завершаются удовлетворением соответствующего социального блага. Возникающий из этого конфликт находит отражение сначала в индивидуальном правосознании, которое оценивает такое положение как несправедливое. Из этого развивается формальное понимание права в субъективном смысле, которое говорит: «я имею право», но фактическое отсутствие возможности в получении реального социального блага формирует когнитивный диссонанс правосознания. Такое правосознание ориентировано на идею ложно понятой «борьбы за своё право», что приводит к злоупотреблению правом. Но другие индивиды также считают, что они имеют право. В условиях «дефицита справедливости» члены такого общества когда-нибудь задают себе вопрос: «Тварь ли я дрожащая или право имею?...». А далее социологические исследования современного общества начинают отмечать «рост его агрессивности».

По мнению известного русского философа и правоведа И.А. Ильина, «война всех против всех» становится причиной и следствием формирования в обществе «правосознания черни», а к черни относятся все субъекты-носители «частно-корыстного» мировоззрения. Негативную оценку аналогичным явлениям даёт и один из основоположников российской школы конституционного права Б.Н. Чичерин, который так же, как и И.А. Ильин, приходит к выводу об угрозе государственности России в случае развития частно-собственнических интересов в обществе. Поэтому нельзя понимать «сбережение народа России и развитие человеческого потенциала» односторонне лишь как обязанность государства. Такое понимание представляет собой тоже крайнюю позицию, противоположную «современному» пониманию права на жизнь. По нашему мнению, только рассмотрение явления в единстве всех его составляющих даёт объективное представление о нём. Подмена же общего частью искажает сущность и содержание явления, становится основой развития правовой демагогии и правового инфантилизма, приводит к неверным решениям. Относительно нашего вопроса это требует рассмотрения прав человека в системном единстве.

С одной стороны, это означает, что субъект, претендующий на использование субъективного права, несёт нравственную ответственность за судьбу своей страны, а это оформляется в обязанность ставить интересы общества

выше личных интересов. При этом ответственность более «сильных субъектов общественных отношений» должна быть и более высокой. Ещё более такая ответственность возрастает в сложные исторические периоды. В этом смысле европейскими юристами (Дж. Бартлетт, М. Ориу, Л. Дюги, Р. Иеринг, О. Гирке, А. Менгер, С. Романо и др.) высказывалась мысль о том, что «право собственности не только право, но и обязанность использовать объекты права собственности в соответствии с общественными интересами». Здесь надо понимать, что следование прежде не личным, а общественным интересам не требует от человека достижения нравственного уровня альтруизма. Вполне достаточно применения логики, основанной на принципах разумного эгоизма, описанного Н.Г. Чернышевским в романе «Что делать». Такая логика гласит, чем более успешной, богатой и стабильной будет обязанная сторона, тем выше вероятность реализации реального субъективного права у управомоченной стороны, а значит выше и уверенность в завтрашнем дне. Это наиболее эффективный путь достижения гармоничного соотношения законных интересов личности, общества и государства.

С другой стороны, при рассмотрении прав человека в системном единстве следует выделять не только формальную, но и фактическую стороны их реализации. Фактический порядок всегда прямо или опосредованно связан с экономической основой общества и определяемой ей надстройкой. Человек участвует во всех общественных отношениях, которые при определённых жизненных обстоятельствах становятся правоотношениями и в каждом из них человек как субъект правоотношения приобретает соответствующие права и обязанности. Из этого возникает множество прав человека. Но все права человека представляют собой единое целое, когда соблюдение одного права способствует прогрессу в соблюдении других прав и наоборот. В этом смысле важным шагом стала резолюция V сессии Генеральной Ассамблеи ООН от 4 декабря 1950 г., в которой был сделан вывод о взаимной связанности и взаимообусловленности всех прав человека.

Однако развитие международного права осуществлялось в другом направлении. Так 16 декабря 1966 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла два пакта: один о гражданских и политических правах, а другой об экономических, социальных и культурных правах. Это позволяло манипулировать темой прав человека. Декларируя свою приверженность идее прав человека, субъекты международной политики получали возможность один правовой акт признавать, а второй нет. Но в конечном счёте было легитимировано рассмотрение гражданских и политических прав отдельно от социально-экономических прав. Этот подход был признан неверным на Международной конференции по правам человека в Тегеране 13 мая 1968 г., которая ещё раз подтвердила неделимый характер всех прав человека. Идея о неделимости прав человека была закреплена и Генеральной Ассамблеей ООН 4 декабря 1986 г. В результате в международном праве сложились два противоположных подхода к пониманию прав человека, что не способствовало значительным успехам в их полноценном развитии.

Господствующей стала позиция, которая рассматривает право на жизнь как два самостоятельных права «на сохранение жизни» и права «на достойную жизнь». Такое положение дел не способствует эффективному правовому воспитанию, установлению в обществе стабильных отношений, затрудняет деятельность по сохранению и укреплению традиционных ценностей. С учётом вышесказанного считаем, что пришло время для рассмотрения права на жизнь в неразрывной связи с правом на достойную жизнь.

Социологические опросы показывают, что вопросы жизнеобеспечения всё больше интересуют граждан [7. С. 10]. Исследования, проведённые ВЦИОМ, демонстрируют, что фактические представления граждан о желаемом праве на жизнь сливаются с их представлениями о достойной жизни. А достойная жизнь, по их мнению, начинается с уровня не ниже «среднего». Таким образом, граждане фактически высказывают своё пожелание по этому вопросу. С учётом ст. 3 Конституции РФ такие пожелания не должны оставаться без внимания.

Несмотря на то, что проблема прав человека широко и системно разработана, единого мнения о праве на жизнь не выработалось. Это очень хорошо с точки зрения методологического плюрализма и активизации теоретических дискуссий [8. С. 205], но на этом пути следует стремиться к недопущению бесосновательного «расширения» или «сужения» права на жизнь. По нашему мнению, нельзя согласиться с тем, что право на жизнь включает в себя право на распоряжение жизнью. Несмотря на высказываемые здесь доводы, следует признать, что в любом случае «право на смерть», не имеет ничего общего с правом на жизнь в принципе, так как является его прямой противоположностью.

Увлечения в этой области могут приводить и к другим «смелым» выводам. Например, П.А. Астахов (бывший детский омбудсмен РФ) в своей книге для детей «Я и государство» (2009) разъясняет: «...право на жизнь значит, что ты никого не можешь убивать». В этом случае мы видим обратную крайность – «сужение» права на жизнь только уголовно правовыми отношениями. Однако, на наш взгляд, такое толкование права на жизнь несёт в себе существенную опасность, которая заключается в подмене понятий. Подмене понятия «право на жизнь» понятием «обязанность не убивать». Но, во-первых, ч. 2 ст. 20 Конституции Российской Федерации вкладывает иное содержание в понятие «право на жизнь», а, во-вторых, в данном случае происходит подмена субъективного права юридической обязанностью. Это свидетельствует о формальном следовании принципу единства прав и обязанностей, что приводит к парадоксальному выводу. Развивая тезис П.А. Астахова, можно прийти к следующему заключению: право на жизнь есть обязанность не убивать. Эта логика не только оправдывает подмену понятий, но в конечном счёте позволяет ответственность за невозможность фактического использования «полноценного» права на жизнь всецело переносить с обязанной стороны на уполномоченную сторону соответствующего право-

отношения. Это заметно проявляет себя в регулировании общественных отношений, например, сферы приобретения и потребления гражданами «опасных/неопасных» продуктов питания.

Поэтому можно утверждать, что «выдумывание» новых характеристик права на жизнь «размывает» это понятие и всё более разъединяет его формальную и фактическую реализацию. Тем самым в процесс реализации права вносятся неопределённость, чем создаются условия для формального исполнения обязанностей по обеспечению права на жизнь. Обобщая вышесказанное, можно заключить, что любые аналогичные «изобретения» в рамках существующей социально-экономической политики и производной от неё правотворческой политики не помогут решить накопившиеся проблемы. Вместе с тем действующая редакция ч. 1 ст. 20 Конституции РФ до определённого момента могла выполнять и, возможно, ещё выполняет стабилизирующую роль в профилактике общественных противоречий. Она создаёт условия для того, чтобы каждый сам мог сделать свободный выбор в понимании «своего» права на жизнь. Однако ч. 2 ст. 20 Конституции РФ вызывает ряд вопросов: мораторий на смертную казнь фактически означает назначение наказания в виде пожизненного лишения свободы, а это является актом гуманизма или актом жестокости [9. С. 222]? Способно ли пожизненное лишение свободы предупреждать особо тяжкую преступность [10. С. 249]? Действие права на жизнь распространяется только на лиц, совершивших особо тяжкие преступления? Означает ли это, что государство уже выполнило свои обязанности по обеспечению права на жизнь и более никому и ничего не должно?

Однако возможна ли в принципе реализация субъективного права на жизнь в соответствии с представлениями граждан о желаемом праве? Для ответа на этот вопрос предпримем попытку обратиться к последней Конституции СССР. В Конституции СССР 1977 г., разработанной в соответствии с методологией диалектического материализма, отсутствовало понятие «право на жизнь». Советские юристы, в частности Джангир Али Аббасович Керимов, Пётр Емельянович Недбайло, Яков Аркадьевич Островский, Валентин Алексеевич Романов, Феликс Михайлович Рудинский, Владимир Александрович Туманов и другие, исходили из того, что реализация прав человека возможна только при наличии благоприятных для человека социально-экономических и политических условий. Развивая свою позицию, они поясняли, что следует закреплять не абстрактные права абстрактного человека, а механизмы реализации конкретных потребностей конкретных людей. Далее советские юристы призывали говорить не только о правах индивидов, но и об обязанностях государства перед человеком. Поэтому Конституция СССР, несмотря на формальное отсутствие термина «право на жизнь», фактически обеспечивала механизм его реализации всем блоком фактических (реальных) социально-экономических и иных прав. Обязанность государства повышать уровень реальных доходов трудящихся была закреплена в ст. 23, а ст. 42 возлагала на государство обязанность по обеспечению долголетней активной жизни граждан. Не исключался и биологиче-

ский аспект права на жизнь. Статьей 57 всем гражданам гарантировалась судебная защита от посягательств на их жизнь. Тем самым право на жизнь, согласно Конституции СССР 1977 г., гарантировалось обязанностями государства по обеспечению роста уровня оплаты труда и реальных доходов трудящихся, по обеспечению долголетней и активной жизни граждан, обязанностью государства на судебную защиту граждан от посягательств на их жизнь и др. Конечно, здесь можно начать дискуссию о декларативности этих статей, но можно посмотреть на них и с точки зрения положительного опыта.

Понимание права на жизнь как права не подвергаться произвольному лишению жизни имело прогрессивное значение в эпоху колониализма. Закрепление права на жизнь в такой редакции было направлено на поддержку национально-освободительных движений. Не случайно против такого понимания права на жизнь выступали Великобритания и Голландия, бывшие на тот момент колониальными державами. Поэтому во многом благодаря усилиям СССР ст. 6 Международного пакта о гражданских и политических правах имеет современную редакцию. Что ещё раз подтверждает тезис о политической ангажированности борьбы за права человека. Однако сегодня такого понимания права на жизнь недостаточно. Всё чаще раздаются голоса о необходимости пересмотра стереотипов в целях сохранения стабильности в мире. На этом пути ещё предстоит большая работа. Одним из направлений такой работы может стать отказ от господствующего ныне представления о содержании права на жизнь. Ущербность такого представления была показана ещё в начале XX в. бельгийским политическим деятелем Луи Бертраном (1856–1943). Он писал: буржуазное общество говорит честным рабочим, добывающимся трудовой жизни, что ничего не могу для вас сделать. Но если вы украдете или убьете, то для вас готовы пища и питье в моих тюрьмах, и там же – помещение не хуже вашего... Право на жизнь – справедливое право. Но его следует основывать не на праве на воровство, а на праве на труд.

Право на жизнь является социальной ценностью, но будет ошибкой утверждать, что это неизменная ценность [11. С. 17–20]. Переход к современному пониманию содержания права на жизнь должен быть связан с рассмотрением права на жизнь как права на достойную жизнь [12. С. 252]. В то же время обеспечение достойной жизни неосуществимо без использования реальных социально-экономических прав. Понятно, что реализация прав второго поколения невозможна без определённых материальных ресурсов, однако, нельзя отрицать и активной роли надстройки, в частности, регулирующего воздействия норм права на социально-экономические отношения. В этом смысле воздействие конституционно-правовых норм может послужить катализатором развития всей правовой системы в новом направлении и, как следствие, общественных отношений в целом.

Несмотря на то, что главной целью деятельности современных государств провозглашается обеспечение конституционных прав человека, а основным из них является право на жизнь, в действующих редакциях конституций это право не стимулирует социально-экономическое развитие. Попытки же объяснить социально-экономические проблемы России, по

нашему мнению, исходят из анализа не основных причин, а второстепенных. И одна из важных причин социально-экономических проблем заключается в том, что господствующее ныне понимание права на жизнь оправдывает тенденцию минимизации обязанностей государства в обеспечении прав второго поколения, а это не позволяет в полной мере развивать социальные функции социального государства, а соответственно, не стимулирует развития социально ориентированной экономики. Но в «слабой» экономике полноценное обеспечение «реальных» социально-экономических прав человека невозможно, что снижает уровень социально активного поведения граждан. Круг замыкается. Для того, чтобы разорвать этот «замкнутый круг», следует начать с формирования в общественном сознании понимания права на жизнь как совокупности обязанностей государства по фактическому обеспечению социально-экономических и иных прав человека, как обеспечение фактической возможности для граждан использовать в соответствии со своими законными интересами социально-экономические права и пользоваться судебной защитой от посягательств на их жизнь.

Список источников

1. Субетто А.И. Теория качества жизни / под науч. ред. А.А. Горбунова. СПб. : Астерион, 2017. 280 с.
2. Вилова М.Г., Пермиловский М.С. Права человека – ценность или норма? // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 501. С. 218–225.
3. Черданцев А.Ф. Интегративное недопонимание права // Журнал российского права. 2016. № 10. С. 5–15.
4. Стукаленко Е.А., Воронкова О.В. Качество жизни и его измерение : учеб. пособие. Новосибирск : НГТУ, 2016. 180 с. URL: <https://e.lanbook.com/book/118393> (дата обращения: 10.12.2024).
5. Матузов Н.И. Правовая система и личность. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1987. 294 с.
6. Власенко Н.А. Методологические проблемы современной теории права // Журнал российского права. 2019. № 4. С. 5–19.
7. Чиркин В.Е. Социально-экономическая парадигма российской Конституции 1993 г.: плюсы и минусы // Журнал российского права. 2018. № 7. С. 5–15
8. Петров А.В., Зырянов А.В. Дискурс методологических подходов в современных юридических исследованиях // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 430. С. 205–212.
9. Добряков Д.А., Минязева Т.Ф., Поздняков В.М. Тенденции применения пожизненного лишения свободы // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 457. С. 221–228.
10. Плаксина Т.А. Пожизненное лишение свободы в особенной части УК РФ и судебной практике // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 456. С. 247–255.
11. Мулукаев Р.С., Мигуценко О.Н. К вопросу о необходимости отхода от конъюнктурных оценок истории права // История государства и права. 2001. № 4. С. 17–20.
12. Кравец И.А. «Человек достойный» (homo dignus) в современном конституционализме и в правовом регулировании статуса личности (отечественный, сравнительный и международный аспекты) // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 459. С. 242–255.

References

1. Subetto, A.I. (2017) *Teoriya kachestva zhizni* [Theory of Life Quality]. St. Petersburg: Asterion.
2. Vilova, M.G. & Permilovskiy, M.S. (2024) Human Rights – Value or Norm? *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 501. pp. 218–225. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/501/25
3. Cherdantsev, A.F. (2016) Integrativnoe nedoponimanie prava [Integrative Misunderstanding of Law]. *Zhurnal rossiyskogo prava*. 10. pp. 5–15.
4. Stukalenko, E.A. & Voronkova, O.V. (2016) *Kachestvo zhizni i ego izmerenie* [Quality of Life and Its Measurement]. Novosibirsk: NSTU. [Online] Available from: <https://e.lanbook.com/book/118393> (Accessed: 10th December 2024).
5. Matuzov, N.I. (1987) *Pravovaya sistema i lichnost'* [Legal System and Personality]. Saratov: Saratov University.
6. Vlasenko, N.A. (2019) Metodologicheskie problemy sovremennoy teorii prava [Methodological problems of modern theory of law]. *Zhurnal rossiyskogo prava*. 4. pp. 5–19.
7. Chirkin, V.E. (2018) Sotsioekonomicheskaya paradigma rossiyskoy Konstitutsii 1993 g.: plyusy i minusy [Socioeconomic paradigm of the Russian Constitution of 1993: pros and cons]. *Zhurnal rossiyskogo prava*. 7. pp. 5–15.
8. Petrov, A.V. & Zyryanov, A.V. (2018) Discourse of methodological approaches in modern legal studies. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 430. pp. 205–212. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/430/28
9. Dobryakov, D.A., Minyazeva, T.F. & Pozdnyakov, V.M. (2020) Trends in Imposing Life Imprisonment. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 457. pp. 221–228. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/457/26
10. Plaksina, T.A. (2020) Life Imprisonment in the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation and Judicial Practice. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 456. pp. 247–255. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/456/30
11. Mulukaev, R.S. & Migushchenko, O.N. (2001) K voprosu o neobkhodimosti otkhoda ot kon"yunkturykh otsenok istorii prava [On the Need to Move Away from Opportunistic Assessments of the History of Law]. *Istoriya gosudarstva i prava*. 4. pp. 17–20.
12. Kravets, I.A. (2020) A "Worthy Man" ("Homo Dignus") in Modern Constitutionalism and in the Legal Regulation of the Status of a Person (Domestic, Comparative and International Aspects). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 459. pp. 242–255. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/459/30

Информация об авторе:

Мигушенко О.Н. – доктор юридических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права Курского государственного университета (Курск, Россия). E-mail: onmig@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

O.N. Migushchenko, Kursk State University (Kursk, Russian Federation). E-mail: onmig@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 11.12.2024;
одобрена после рецензирования 12.02.2025; принята к публикации 19.03.2025.*

*The article was submitted 11.12.2024;
approved after reviewing 12.02.2025; accepted for publication 19.03.2025.*